Aleks Dallas

Собеседник из другого мира

Aleks Dallas

Собеседник из другого мира

https://litres.ru/74823377
SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли за десять лет стать для человека самым близким другом, ни разу не увидев его вживую и даже не услышав его голоса?

Она блестящий юрист аналитик из солнечного Пятигорска, девушка с острым умом и горячим характером. Он суровый рязанский епископ, выросший в церковной среде с юности. Их познакомил случай в фейсбуке. Они стали друг для друга «тайным штабом» и самой надежной опорой. Она берегла его от нечестных людей и грязных сплетен, он учил ее молитве и умению держать удар. «Собеседник из другого мира» — это светлая, пронзительная история о том, как два одиночества согрели друг друга сквозь тысячи километров, и о том, как трудно порой остаться просто людьми, когда один из вас носит архиерейскую рясу, а другой видит мир насквозь.

Aleks Dallas
Собеседник из другого мира

Все герои и события этой книги вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми и фактами случайны.

Посвящается моему единственному лучшему другу — человеку, который научил меня слышать тишину, верить в лучшее, оставаться собой, несмотря ни на какие расстояния, и беречь ту чистоту души, в которой рождается настоящая молитва.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I.
Глава 1.
Глава 2.
Глава 3.
Глава 4.
Часть II.
Глава 5.
Глава 6.
Глава 7.
Глава 8.

Часть III.
Глава 9.
Глава 10.
Глава 11.
Часть IV.
Глава 12.
Глава 13.
Эпилог.

ЧАСТЬ I.
Глава 1. Тишина до рассвета.

Ноябрь в Пятигорске всегда пахнет одинаково: остывшим за день серым камнем Машука, осенней листвой в парке «Цветник», горьковатым дымком из частного сектора и ранней, какой-то пронзительной южной темнотой. В такое время суток курортный город, летом шумный, нарядный и пахнущий цветами и сладкой ватой, будто сбрасывает праздничный кафтан и становится по-домашнему тихим, почти пустым. Ветер с Бештау спускается в долину, шелестит сухими листьями платанов и стучится в окна.

Александра сидела на своей просторной кухне, не включая верхний свет. Единственным источником освещения оставалась мягкая теплая подсветка над мраморной столешницей да холодный экран смартфона, лежащего перед ней на столе. Рядом стыла большая фарфоровая чашка крепкого

черного чая с горным чабрецом — единственная роскошь, которую она позволяла себе после двенадцатичасового рабочего дня в управлении.

В свои тридцать пять лет Александра имела все, что в представлении окружающих складывалось в безупречную, глянцевую картинку женского успеха. Высшее юридическое образование, блестящая репутация одного из лучших аналитиков в системе МВД, уважение руководства, собственная надежная машина, просторная квартира в хорошем районе и обеспеченная, любящая семья, двери которой всегда были открыты.

Днем в ее доме нередко гостили родственники — приносили еще горячие домашние пироги с сыром и зеленью, шумно обсуждали семейные новости, спорили, смеялись. По выходным она встречалась с тремя давними подругами, которых про себя с легкой, беззлобной иронией называла «блондинками». Они сидели в уютных кофейнях на проспекте Кирова, обсуждали новые коллекции одежды, салоны красоты и последние городские сплетни. Александра смеялась вместе с ними, кивала, поддерживала разговор, но в глубине души чувствовала себя зрителем в театре, где пьесу давно выучили наизусть.

Стоило входной двери закрыться за последним гостем, как в квартире воцарялась гулкая, звенящая тишина.

Александра провела ладонью по длинным каштановым волосам, в которых при свете лампы вспыхивали теплые ры-

жеватые пряди, и устало прикрыла черные глаза. Работа аналитика приучила ее видеть людей насквозь — как рентгеновский снимок. Она безошибочно считывала чужую ложь по бегающему взгляду и нестыковкам в показаниях, просчитывала мотивы поступков, находила скрытые связи в самых запутанных делах. Но эта профессиональная проницательность имела и обратную сторону: в реальной жизни ей стало невыносимо скучно и одиноко. Ей не с кем было говорить на одном языке — без масок, без светской болтовни и без привычной полицейской брони, которую она надевала каждое утро вместе со строгим костюмом.

Она взяла телефон и бездумно открыла ленту фейсбука. Мелькали чужие фотографии из осенних отпусков, чьи-то громкие, напыщенные цитаты о смысле жизни, новости, реклама. Палец уже собирался смахнуть экран вниз, как вдруг взгляд зацепился за снимок, резко выбивавшийся из этого пестрого, суетливого потока.

На фотографии был запечатлен старый белокаменный храм на фоне низкого, свинцового осеннего неба. Никакой обработки, никаких модных фильтров — просто строгая, величественная архитектура, облетевшие березы у ограды и бесконечный простор, от которого веяло покоем далекой средней полосы.

Александра задержала дыхание. В груди вдруг стало тепло и немного грустно. Она родилась и выросла в мусульманской семье, глубоко чтила традиции своего народа, старших и ве-

ру отцов. Но ее мать была русской — тихой, светлой женщиной с добрыми глазами, которая научила дочь любить широту мира и уважать чужие святыни. Мама часто говорила в детстве: «Бог один, доченька, просто люди молятся Ему на разных языках. И в каждом храме, где молятся искренне, живет свет». От нее Александра унаследовала ту редкую душевную широту, при которой старые православные церкви не казались чужими — напротив, от них веяло памятью о маме, покоем и тихой тайной. Она нажала на имя автора публикации и перешла в профиль. Епископ Диомид. Судя по подписям под редкими официальными фотографиями — управляющий одной из епархий в Рязанской области. Александра увеличила портрет. С экрана на нее смотрел высокий, статный мужчина лет сорока трех. Темно-русые волосы, густая ранняя седина, тронувшая бороду, и удивительные голубые глаза — светлые, но тяжелые, колючие, с тем особым выражением настороженной строгости, какое бывает у людей, привыкших никому не доверять и держать круговую оборону.

Александра, как опытный аналитик, задержала взгляд на этом лице. Она видела сотни людей — и преступников, и начальников, и случайных прохожих. В лице этого архиерея не было ни капли показного благодушия или слащавой мягкости, которой порой грешат люди, желающие понравиться. Это было лицо воина, который сам себя держит в ежовых рукавицах, знает цену каждому слову, не терпит фальши и

вряд ли подпускает кого-то ближе, чем на вытянутую руку.

Повинуясь внезапному, совершенно не свойственному ей порыву, она открыла окно личных сообщений. И тут же заметила одну маленькую, но важную деталь: в настройках мессенджера у епископа не был скрыт статус прочтения. В мире, где каждый второй прятался за закрытыми профилями, удаленным временем визита и недомолвками, эта открытость показалась ей признаком редкой, почти вызывающей честности. Он не прятался за ширмами. Он был таким, какой есть.

«А почему бы и нет? — мелькнула шальная, по-южному порывистая мысль. — Он меня не знает, я его не знаю. Между нами, полторы тысячи километров. Просто спрошу о храме, а там будь что будет».

Пальцы быстро пробежали по экрану:

«Добрый вечер. Простите за беспокойство. Это ваш храм на фотографии? Сколько ему лет? Очень красиво, прямо тишиной веет».

Она нажала «Отправить» и тут же отложила телефон, даже немного смутившись собственной смелости. Мало ли дел у архиерея — наверняка сообщение затеряется среди десятков официальных писем, просьб, отчетов и жалоб, а то и вовсе останется без ответа.

Александра встала, подошла к окну и посмотрела на темный силуэт горы, укрытой ночным туманом. Тишина в квартире больше не казалась такой давящей — теперь в ней по-

явилось легкое, почти детское ожидание.

Спустя десять минут на столе мягко вспыхнул экран смартфона. Александра обернулась. В окне диалога горели две ярко-синие галочки — сообщение было прочитано. А следом появилась короткая, сдержанная строчка:

«Добрый. Храму триста лет. Тишина там действительно есть, если приходить до рассвета».

Александра улыбнулась — впервые за весь этот длинный, выматывающий день. В этом коротком ответе без единого лишнего слова, без дежурных благословений и поучений слышался живой человек. Суровый, закрытый, но настоящий.

Она снова села за стол, взяла телефон и написала уже смелее:

«До рассвета я обычно только с работы возвращаюсь или еще сплю. У нас на юге и ночью шумно, а у вас на фото будто время остановилось».

Синие галочки загорелись почти сразу. Видимо, в далекой Рязани тоже был тихий, одинокий вечер.

«Время нигде не останавливается, — ответил владыка Диомид через пару минут. — Просто в старых стенах суета оседает быстрее. Доброй ночи».

Она еще не знала, что за этой лаконичной фразой стоят годы сиротского детства, где маленький мальчик учился выживать и никому не открывать душу. Не знала о десятках предательств, о диктофонах, спрятанных под одеждой недобро-

желателей, и о привычке закрывать свою жизнь на сто замков.

Епископ Диомид, убирая телефон на край массивного письменного стола в своем тихом кабинете, еще не догадывался, что эта смелая женщина из далекого Пятигорска, задающая вопросы без единого поклона, скоро ворвется в его тщательно выстроенную крепость и останется там на долгие десять лет.

Глава 2.

Первые месяцы их переписки меньше всего напоминали тихую духовную беседу или душеполезное чтение. Это было похоже на столкновение двух тектонических плит — двух миров, каждый из которых жил по своим неписаным законам и не собирался уступать ни пяди.

Александра, привыкшая в кабинетах МВД к четким формулировкам, оперативной прямоте и полному отсутствию реверансов, совершенно не знала церковного этикета. Для нее Диомид не был недосягаемым владыкой, к которому нужно обращаться с трепетом, выверяя каждое слово по уставу. В ее глазах он оставался интересным, строгим, но живым человеком с фотографий — мужчиной с колючими голубыми глазами, с которым можно поспорить, пошутить и выложить все, что накипело на душе.

И душа ее, горячая и по-южному порывистая, молчать не

умела.

В Пятигорске жизнь била ключом, но служба аналитика в органах выматывала до предела. Стоило Александре столкнуться на работе с очередной несправедливостью — когда серьезное дело пытались замять из-за чьих-то связей, когда начальство требовало невозможного или коллеги откровенно халтурили, — она приходила домой, бросала сумку в прихожей, открывала фейсбук и выплескивала в чат весь свой праведный гнев. В ее сообщениях кипели эмоции, летели резкие оценки, порой проскальзывали крепкие словечки, которыми в полицейских коридорах никого не удивишь.

А на другом конце провода, в тихом рязанском кабинете с высокими потолками и строгими иконами в углу, сидел человек, выросший в церковной среде. Сирота, с детства усвоивший цену послушания, субординации и железной выдержки. Человек, которого слишком часто предавали и подставляли, чтобы он мог спокойно терпеть чью-то несдержанность.

Реакция Диомида поначалу была всегда одинаковой — мгновенной и безмолвной.

Стоило Александре перейти невидимую черту, повысить тон в тексте или отпустить колкость в адрес его закрытости, как синие галочки прочтения замирали. А через секунду вместо привычного окна диалога появлялась холодная серая надпись: «Вы не можете отправлять сообщения этому пользователю».

Черный список. Без предупреждений, без объяснений и без прощальных слов.

В первый раз Александра остолбенела. Она сидела на кухне, глядя на экран телефона, и щеки ее вспыхнули от жгучей обиды. Ее — майора, блестящего аналитика, женщину, к мнению которой прислушивались полковники и генералы, — какой-то рязанский епископ просто выставил за дверь, как нашкодившую первоклассницу! В порыве гордости она тут же заблокировала его в ответ, твердо решив, что больше никогда в жизни не напишет этому сухарю ни единой строчки. Но проходил день, другой. Пятигорский вечер снова накрывал квартиру гулкой тишиной. Расходились по домам шумные родственники, уезжали после посиделок в кофейне ее три подруги-«блондинки», и Александра ловила себя на том, что ей физически не хватает его спокойного, трезвого взгляда. Не хватало того редкого чувства, что где-то далеко, за полторы тысячи километров, есть человек, которому от нее ничего не нужно — ни связей, ни юридической помощи, ни советов по работе.

Тогда она находила его на другой площадке — в одноклассниках или по старому аккаунту — и писала снова. Иногда сдержанно, а иногда с новой порцией упреков:

«Вы всегда так с людьми разговариваете? Чуть что не по-вашему — сразу замок на дверь? Удобная позиция, ничего не скажешь».

В Рязани в этот момент Владыка Диомид, вернувшийся

после долгой вечерней службы, устало садился в кресло, снимал клобук и долго смотрел на мигающий экран. Он мог бы просто удалить сообщение и снова нажать кнопку блокировки. Но что-то в этой упрямой девушке не отпускало его. В ее дерзости не было привычной для его окружения фальши.

Он вздыхал и отвечал сухо, как на допросе:

«Я не обязан выслушивать крик и грубость. Учитесь владеть собой, Александра. Если хотите разговаривать — говорите спокойно».

«Я не кричала, я возмущалась! Я живой человек, а не замороженная!» — тут же прилетало в ответ.

«А у нас в Рязани принято думать, прежде чем открывать рот», — парировал он, но «дверь» уже не захлопывал.

И они снова начинали общаться. До следующей бури.

За первый год они блокировали друг друга более сотни раз. Это превратилось в странный, почти комичный ритуал, о котором не знала ни одна живая душа. Она вспыхивала как спичка — он молча закрывал чат. Она остывала через пару дней и стучалась в другую дверь — он хмурился, качал головой и открывал. Иногда в пылу обиды первой нажимала кнопку блокировки сама Александра, чтобы через пару суток первой же ее и снять, написав, как ни в чем не бывало: «Доброе утро. Ну что, остыли? Мы еще друзья?». Но постепенно, шаг за шагом, сквозь эти бесконечные грозы и примирения прорастало настоящее, глубокое понимание.

Владыка Диомид, обладая острым умом и многолетним

опытом душепопечения, однажды остановился и посмотрел на их переписку иначе. Он увидел, что за ее резкими словами нет ни грамма злобы, корысти или желания его унизить. В отличие от многих людей в его окружении, которые сладким голосом льстили в глаза и держали камень за пазухой, эта девушка из Пятигорска была абсолютно прозрачной и честной. Ее вспышки были лишь оборотной стороной живого, неравнодушного сердца, которое не научилось черстветь даже в суровой полицейской системе.

И тогда епископ начал не наказывать ее молчанием, а терпеливо объяснять. Без нотаций и церковного пафоса он рассказывал ей, почему в духовной среде не принято так обращаться к архиерею, почему резкое слово ранит душу сильнее, чем кажется, и как важно уметь останавливать внутренний пожар до того, как он вырвется наружу.

«Гнев — плохой советчик, Александра, — писал он ей поздними вечерами. — Когда ты кричишь, ты отдаешь свою силу тому, кто тебя разозлил. Выдохни, посчитай до десяти, помолись про себя — и только потом пиши».

Александра слушала — сначала хмурясь и споря, потом все внимательнее. Она начала понимать, какая колоссальная ответственность, какая боль прошлого и какое одиночество скрываются за его внешней суровостью.

Перелом случился в один из промозглых осенних вечеров, почти через год после их знакомства. У Александры выдался по-настоящему страшный день: на работе сорвалась

сложная, выверенная до мелочей операция, руководство искало крайних, и она, вернувшись домой, с порога принялась строчить в чат гневные, сбивчивые сообщения. Она ругала всех подряд — и бестолковых коллег, и несправедливую систему, и даже самого Диомида за то, что он слишком долго не появляется в сети, когда ей так нужно выговориться.

Написав длинную, обжигающую тираду, она вдруг осеклась и замерла, глядя на экран. Внутри все сжалось от заранее знакомой, горькой обиды. Сейчас щелкнет виртуальный замок, загорится серая полоса блокировки, и она снова останется один на один со своей пустой кухней.

Прошла минута. Две. Синие галочки загорелись. Замок не щелкнул. Вместо этого внизу экрана замигало «печатает…», и появилось короткое, по-отечески теплое сообщение с легкой, едва уловимой улыбкой между строк:

«Всё, началось. Завелась».

Александра перечитала эти три слова. Гнев, который еще секунду назад душил ее, вдруг лопнул, как мыльный пузырь. Она опустилась на стул прямо в прихожей, не сняв осеннего пальто, и рассмеялась сквозь подступавшие к глазам слезы.

Он не испугался ее бури. Не захлопнул дверь, зная, как больно ранит ее это молчаливое изгнание. Он просто принял ее такой, какая она есть — горячей, сложной, настоящей — и остановил одним точным, добрым словом.

С того осеннего вечера черные списки навсегда остались в прошлом. Стена между ними рухнула, уступив место тихо-

му, крепкому доверию, которое выдержит еще долгие годы.

Глава 3.

Когда эпоха черных списков закончилась, их общение обрело совершенно иной ритм — спокойный, теплый и удивительно естественный. Стена взаимного недоверия рухнула, и теперь они учились понимать мир друг друга не через бурные споры, а через живой интерес, наблюдательность и легкую, добрую иронию.

Александра с присущим ей любопытством аналитика начала по-настоящему изучать жизнь Владыки Диомида. По вечерам, когда стихали звонки с работы и в пятигорской квартире наступала тишина, она открывала его страницы, просматривала редкие публикации на епархиальных ресурсах, вглядывалась в фотографии с богослужений, крестных ходов и официальных встреч. Ей искренне хотелось понять, как устроен этот закрытый, почти таинственный мир церковного управления, где каждый жест подчинен вековым правилам.

И чем больше она наблюдала, тем отчетливее видела, насколько жестко епископ охраняет свои границы. В его кабинете, в его окружении, в его повседневной жизни не было случайных людей. На всех снимках рядом с ним стояли одни и те же проверенные помощники, взгляд его голубых глаз оставался неизменно строгим и настороженным, а в корот-

ких комментариях сквозила привычка никого не подпускать слишком близко.

Однажды вечером, когда Диомид вскользь пожаловался на очередную административную суету и на то, как трудно порой пускать в свои дела новых людей, Александра не удержалась и написала с легкой, озорной улыбкой:

«Знаете, на что похожа ваша епархия? На закрытую песочницу. Сидите там один, строите свои высокие замки, и никого постороннего на порог не пускаете. Шаг влево, шаг вправо — сразу лопатой по рукам». Особенно меня!

Отправив сообщение, она на секунду замерла — привычка прошлых месяцев еще напоминала о себе. Не слишком ли смело сказано про целую епархию? Но в ответ пришла не суровая отповедь, а короткое сообщение, в котором сквозь строчки явно читалась усмешка:

«Зато в этой песочнице порядок. И чужие формочки никто не ломает. Слишком дорого потом чужие замки восстанавливать».

«Ну меня-то вы на край песочницы хотя бы пустили? Обещаю совочком не махать», — подхватила она.

«Сиди уж, раз пришла. Только песком не кидайся», — ответил он.

Слово прижилось мгновенно. С того дня «песочницей» они оба в шутку называли и его епархию, и тот маленький, закрытый от посторонних глаз мир их переписки, куда не было доступа никому. Александра с тихой гордостью понимала:

она стала единственным человеком «с воли», которому суровый рязанский архиерей позволил переступить порог этой крепости.

Но окончательный перелом, превративший их осторожную дружбу в по-настоящему родственную привязанность, случился в день его именин.

В тот день с самого утра лента новостей епархии пестрела официальными поздравлениями. Были там сухие телеграммы от чиновников, торжественные речи духовенства и строгие протокольные фотографии. На всех снимках Владыка Диомид выглядел как всегда — высокий, статный, в праздничном облачении, с непроницаемым выражением лица, в котором читалась лишь глубокая усталость от бесконечных приемов, звонков и ответственности.

Но поздним вечером, когда официальная часть праздника закончилась, в подборке мелькнул один неформальный, почти домашний кадр. Видимо, его сделали уже в узком кругу самых близких сотрудников управления, которые знали архиерея не по отчетам, а по ежедневной, тяжелой работе.

На столе перед епископом стоял большой, украшенный белым кремом именинный торт. Александра увеличила фотографию и невольно улыбнулась — так тепло и светло стало на душе. На белой глазури аккуратным кондитерским почерком было выведено одно-единственное, невероятно трогательное слово: «Владыченьке».

В этом простом, почти семейном обращении было столько

неподдельной любви, уважения и человеческого тепла, что Александра вдруг увидела Диомида совсем другими глазами. За строгой мантией, за колючим взглядом прятался человек, который умел быть для своих людей настоящим отцом — строгим, справедливым и по-настоящему добрым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.